

ДВА СОБЫТИЯ — почти одновременных — показательны в сумме.

Среди обласканных премией российской власти за минувший год — Лев Додин, руководитель Малого драматического театра в Санкт-Петербурге, постановщик отмеченного лаской начальства спектакля «Для веселья нам даны молодые годы...».

Факт второй: выход в свет первого (нулевого) номера «Петербургского театрального журнала», рожденного в муках и восстанавливающего добрую культурную традицию северной столицы. С первым явлением этот факт связан тем, что открывается серией статей, посвященных судьбе того самого Малого драматического театра и его лидера. Общая тональность — похоронная: в отмеченной наградой постановке «...человек утонул в «рвотных массах блевотины», стал неодолимой частью неодолеваемого общего, а точнее — коробкой нечистот, так же как мир — выгребной ямой» («Бесы»). Долгожданная премьера после нескольких лет репетиций в перерывах между гастроллями. Девять часов пустоты. «На сцене Малого драматического все больше и больше процветает Россия-уродина. И дело не в страшных прозрениях режиссера по поводу русской души и не в знаменитом зеркале, на которое неча пенять... Рож кривых, может быть, и хватает, и жить в нашем доме разучились — но тогда он не продается за СКВ на западном рынке».

Статьи критиков доказательны и горьки, вывод однозначен: театра, когда-то прогремевшего абрамовской прозой, «Братьями и сестрами», больше не существует. Творческий организм мертв.

И госпремия — покойнику? Жест, примечательный для властей, этот самый — первый! — год безраздельно царящих над страной. Как тут не вспомнить классическую унтер-офицерскую вдову — ведь даже яростнейшие противники не могли бы ярче описать сущность нынешних правителей.

Роман Виктюк старался с начальством сотрудничать поменьше — и на родной Украине, которую вынужден был все же оставить, и в пригревшей его столице. Всегда оставался бродягой, гуляющим сам по себе. С предыдущим режимом разногласия у него были не политического свойства (что бы он ни говорил впоследствии) — эстетического. Даже в остро социальных драмах — будь то «Украденное счастье» или «Горе от ума» — он умудрялся отодвинуть в сторону общественные проблемы. Его постоянной, по существу единственной темой была Страсть — непременно с самой большой буквы. Во все времена. Во всех вариантах. Во всех проявлениях.

Разумеется, в былые годы проявления и варианты ограничивали, чаще всего на сцене, кино- и телеэкране оставались все же Он и Она. Хотя у режиссера накапливались личные приемы, позволяющие намекать на иные возможности: в «Утиной охоте», например, он выводил на сцену сразу двух актеров, исполнявших роль главного героя, отчего взаимоотношения того (тех) с женой или любовницей приобретали привкус нестандартности, запретности.

Прошлым наместником, прилюдно ратовавшим за коммунистическую нравственность, такие уловки не нравились — по крайней мере официально они их не поощряли. Но в сравнении с бунтовщиками — Таганкой ли, иными — Виктюк казался менее опасным. Его терпели.

Случались и скандалы. Однажды режиссер взялся за «Уроки музыки» тогда еще гонимой Л. Петрушевской. Не с профессионалами — того быть не могло, но в труппе достаточно заметной — Студенческом театре МГУ. Виктюк остался верен себе: спектакль был о любви, но такой униженной и оскорбленной, со столь очевидной деградацией, затронувшей всех поголовно, что охранители взвились моментально. Постановку запрещали, артистов изгоняли, но в судьбе Виктюка эта работа осталась одним из высших проявлений его дара.

Когда тиски стали потихоньку разжиматься, Виктюк очутился в самом выигрешном положении среди своих собратьев — те еще доругивались и дрались, выводили на сцену «Детей Арбата» и эмигрантскую литературу, не замечая, что «фиг в кармане» уже мало, их давно вытащили, необходимы

методы чисто художественные, которых у них крупно не доставало либо вовсе никогда не было.

На прилавки горами хлынули издания, которые по самым мягким оценкам нельзя именовать иначе, нежели как порнографические. Виктюку и они не составили конкуренции. Его отточенное мастерство, умелое владение всеми средствами современного театра, магия света, звука, цвета, пристрастие к изощренной пластике отличали созданные им спектакли от расхожих поделок в той же мере, в какой «Золотой осел» ограничен от сортирных сочинений.

В судьбе его произошло много любопытных перемен. Вечный странник, публично исповедовавший заветы философа-скитальца Сковороды, он неожиданно становится штатным режиссером Академического театра имени Вахтангова. Первой постановкой в нем стала явно для аполитического мастера неподходящая история про Сталина, которого играл вахтанговский глава — художественный руководитель Михаил Ульянов. Брак по рас-

День — 1993 — 28 февр — 6 марта —
Алексей НИКИТИН

ДАНАЙСКИЕ

НАГРАДЫ

Сцена из спектакля «Служанки»

Фото В. ПЛОТНИКОВА

ступника или карьериста, в состоянии одурманить толпу голодных, но бесильных, когда речь идет о проявлениях духа и движениях души. По счастью, Роман Виктюк достаточно артистичен, чтобы почувствовать опасность и отказаться от навязываемых правил, которые ничуть не привлекательнее былого пресса идеологии. В его силах — пока! — изменить собственную орбиту. Но тогда он автоматически выпадет из категории «верных», и никаких уж госпремий...

На тот случай власть имущим потребен запасной вариант. Желателен человек иного поколения и без тех патологических склонностей, которым, и симпатизируя, может быть, втайне, не так-то просто придать вид чаемых на родом достижений.

Студия «Человек» получила призвание столицы еще до того, как число всевозможных театров и театриков в ней разрослось до неисчислимости. Среди прочих ее достоинств было и воспитание в собственных стенах

неординарных режиссеров. Конечно, те учились в институтах, но «Человек» был родным домом, с которым связывают и художественные цели, и лучшие работы. Одним из многообещающих был постановщик Сергей Женовач.

В театральной среде всегда бродят соперничающие группы фанатов, истовых поклонников; неудивительно, что они появились и у начинающего режиссера, чьи опыты и в самом деле заслуживали внимания. Поездки на молодежные театральные фестивали, тусовки со своими сверстниками-колегами — потепление общественной атмосферы благоприятствовало развитию дара, однако и смягчало требовательное к нему отношение. Первые работы Женовача — «Панночка» по Гоголю, «Иллюзия» П. Корнеля — обнаружили умение работать с актером, но и намекнули на трудности с выстраиванием целостного спектакля и — что существеннее — особенности мировоззрения постановщика.

В полную силу они проявились с выходом студенческого (РАТИ — бывший ГИТИС) спектакля «Владимир III стелени», где Женовач, ставший к тому времени и педагогом, объединил по собственному разумению несколько отрывков и набросков Гоголя. Взяты отдельные сцены, что дает больше простора для фантазии и... произвола. Российская действительность в смахивающем на капустник действе представляла весьма однообразно: ленивые, вечно спящие слуги, их погруженные в бессмысленную и бесконечную суету господа, тупые и корыстные чиновники — все взяты из гоголевского химерического мира. Но поданы с особым смакованием. Какое-либо со-

ет. Времени на репетиции отведено без счета. Роскошные шубы натурального меха на царственных персонажах поражают немногочисленных зрителей. Их мало — поскольку амфитеатр выстроен на сцене, а зал, способный вместить раз в десять больше народу, пустует. Жертвы, принесенные ради привечения молодого таланта, очевидны.

Художественные результаты, которые могли бы оправдать все усилия, значительно скромнее: 2 — 3 хорошие актерские работы да превращение всемирно известной трагедии в камерную драму. Будь то в обычном зале, публику набрать бы не удалось, но 70—80 человек энтузиастов в многомиллионной столице найдутся, и тогда можно среднюю, учебническую работу возвести в ранг шедевра.

Сообщение о присуждении «Королю Лиру» столичной премии пришло в дни, когда состоялась новая премьера того же режиссера на тех же подмостках. На этот раз на афише стояло имя А. Н. Островского и название «Пучина».

На самом деле пьеса имела весьма косвенное отношение к происходящему на сцене. Там вперемешку разыгрывались собственно «Пучина» и старая французская слезная драма «Тридцать лет, или Жизнь игрока», в споре с которой с нагнетанием ее искусственных ужасов и страстей и писал когда-то свою историю создатель русского национального театра. Зрелище строится по схеме: действие из «Игрока» — картина из «Пучины»; кое-кто из актеров задействован и тут, и там. Для чего — при том, что акты «Тридцать лет...» идут в обратном порядке: 3, 2, 1, — сказать трудно, но совершенно очевидно, что для громоздкой конструкции потребны по крайней мере виртуозность и четкость, позволившие публике легко переноситься в разные миры.

Однако унылость штампов во французской мелодраме повергает почти в мистический трепет. Догадываешься, что театром задумано ироническое отношение к ней, но — увы! — очевидно попадание в плен к высмеиваемым клише вековой давности. На главных героев и смотреть-то чрезвычайно тягостно.

Может быть, так и было рассчитано — в контрасте с тусклостью начальной «...Жизни игрока» первая сцена «Пучины» выглядит особенно яркой. Во всей красе типов рисуется групповая картина купеческого семейства с продуманной главой, самоуверенной супругой, глупой дочкой в окружении «друзей дома» — надутого собственной значимостью чиновника и суетливого отставного вояки. Для каждого найдены броские краски, каждый тянет свою ноту в общей мелодии, мелодии все той же — о несостоятельности русского народа, о косности его и непорядочности.

Слава драматургу — разрушительная идея быстро подтачивает само представление. Когда нечего сказать больше, нежели заявлено в первые 10—15 минут, ткань спектакля рвется, энергия действия иссякает. Остается лишь проговаривание сюжета — при саморазоблачительном отсутствии мыслей и чувств.

Скука российской части спектакля в соединении с тоской ее заграничной половины производит на аудиторию невытравимое впечатление — и без того неполный зал тает в антракте Снегурочки на солнцепеке.

Надо понимать, что чем разительнее провал, тем громче раздадутся голоса услужливых рецензентов, повествующих миру о рождении нового шедевра и сетующих на тупость зрителя. Можно также ожидать, по складывающейся тенденции, лавров и премий уже не на московском уровне. Какой-нибудь фонд заграничных родителей или отечественных мафиози тоже не преминет отметить преданность в службе и пропаганде социальных идей.

И вновь поразительна скорость деградации несомненно способного художника. Лстыивые похвалы и безудержные восторги, похоже, все больше заглушают голос собственной совести и толкают от упорного труда к театральным «поворотам северных рек». Впрочем, материальные выгоды от грандиозных проектов, равно как и милости власти, компенсируют умаление таланта.

Тут вспоминаются дары данайцев...